

Проблемы завершения «Сибирской экспедиции» в Забайкалье. Новые документы по истории японской интервенции в Сибири

В.Г. Дацышен

Статья посвящена проблемам истории японской интервенции в Сибири. На основе документов из фондов региональных архивов и публикаций в редких изданиях подробно рассматриваются вопросы завершения японской интервенции в Прибайкалье и Забайкалье в конце 1919–1920 гг. Вводимые в научный оборот документы указывают на региональные особенности истории русско-японских отношений. Автор пытается, отказавшись от старых политических установок, рассмотреть события с разных сторон, показать их противоречивость.

Ключевые слова: русско-японские отношения, японская интервенция в Сибири, Забайкалье.

Участие Японии в иностранной военной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке России в 1918–1922 гг. широко освещено в советской и современной российской исторической литературе. Однако до сих пор при этом сохраняются старые подходы и оценки. Крайняя политизированность и бескомпромиссность оценок в XX веке были обусловлены тем, что в России победили большевики, против которых и была направлена интервенция. Проблема заключалась не только в том, что поддерживаемые японцами политические силы в Советском Союзе были ликвидированы и не могли влиять ни на общественное мнение, ни на развитие историографии. Вооруженная интервенция, как и любая военная акция, своим следствием имела жертвы и разрушения, в том числе и среди мирных жителей. В масштабах XX века, в котором только Россия в войнах потеряла погибшими около 50 миллионов человек, принесенные японской армией на русскую землю жертвы и разрушения являются относительно небольшими. Однако для востока России это было глобальным событием: с конца XVII века и до настоящего времени японская военная интервенция была единственным случаем, когда иностранная армия находилась в Сибири и на Дальнем Востоке.

Перед отечественной историографией японской интервенции стоят задачи всестороннего изучения проблемы с учетом региональных особенностей исторической картины. Для ее дальнейшего изучения, как и для изучения истории русско-японских отношений в целом, необходимо отказываться от устаревших идеологических установок и прилагать усилия для расширения базы источников исследований. И здесь особое внимание необходимо обратить на фонды региональных архивов и материалы периодической печати.

История японской интервенции в Сибири берет начало в событиях весны 1918 г., происходивших во Владивостоке и на станции Маньчжурия. Вмешательство Японии во внутренние дела России перешло в новое качество после высадки японского десанта во Владивостоке 5 апреля 1918 г. Руководимые большевиками Советы выразили протест и призвали русское население к сопротивлению. В «Резолюции Центр-Сибири», принятой на заседании 5 апреля 1918 г., говорилось: «ЦИК протестует против высадки Японского десанта... Сибирские рабочие и крестьяне окажут все возможное сопротивление в случае попыток японских империалистов приступить к захвату какой либо части Сибири...» [4. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 570. Л. 1–2]. Одновременно с высадкой японского десанта во Владивостоке лидер антисоветского движения в Забайкалье атаман Г.М. Семенов начал наступление со станции Маньчжурия, где он нашел поддержку и помощь японцев, на Читу. Сам атаман писал: «При Штабе находился батальон японских добровольцев в количестве до 600 человек... Японский батальон был создан по инициативе капитана Куроки, который командировал сотрудников своей миссии, г.г. Анжио и Сео Эйтаро, в Южную Маньчжурию для привлечения добровольцев из числа резервистов. Они успешно справились с поставленной им задачей, завербовав на службу в отряд несколько сот человек, только что окончивших службу солдат. Батальоном командовал доблестный офицер капитан Окумура» [23, с. 158].

Вмешательство японцев в события в России стали важным фактором развития гражданской войны в Сибири. В «Воззвании» от имени центрального органа Советской власти в Сибири говорилось: «На Сибирскую Советскую Республику совершено нападение международным капитализмом... 5 апреля кончается срок, данный китайскими властями в Маньчжурии, срок до которого эти власти обязались не допускать Семенова в пределы России...» [4. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 570. Л. 3]. Акции японских военных развязали руки наиболее радикальным элементам в руководстве Советов по активизации борьбы со всеми недовольными новой властью. В «Резолюции Центр-Сибири» говорилось: «Вся Сибирь объявляется на военном положении. Все уездные и губернские Советы немедленно должны создать военно-революционные штабы, которые руководят делами обороны страны от внешнего наступления империализма...» [4. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 570. Л. 1–2].

В середине мая 1918 г. возвращавшийся из плена на родину Чехословацкий корпус поднял восстание и вскоре захватил Транссиб. Свержение чехословаками Советской власти в Забайкалье в июне 1918 г. было произведено при противоречивом взаимодействии с японскими войсками. Современник отметил: «Чехи под командой Гайды и сибирские войска... пробилась к Маньчжурии, разбив повсюду красных, и у Онона встретились с Семеновым и японцами... Японская кавалерия, переправлявшаяся через Онон, немало повлияла на миролюбивый исход. Чехи не решились на столкновение, в которое могли вмешаться и японцы...» [14, с. 161].

Таким образом, начало японского вмешательства в военно-политические события на территории Сибири (Забайкалья) совпало, но не было напрямую связано с японскими акциями во Владивостоке. Не случайно и дальнейший ход событий, включая вывод японских войск из Сибири, также имели значительные отличия от событий японской интервенции на Дальнем Востоке.

Японская интервенция в России перешла на качественно новый уровень в августе 1918 г. Япония действовала совместно с другими странами Антанты, более того, японские войска прибыли во Владивосток не первыми, а вслед за британским и китайским отрядами. 11 августа 1918 г. во Владивостоке высадились около 2 тыс. японских солдат 12-й дивизии. В течение августа месяца численность японских войск, высадившихся во Владивостоке, достигла 28 тыс. своих солдат [1. Ф. 990. Оп. 1. Д. 1. Л. 12].

Войска антисоветского Сибирского правительства и восставшего Чехословацкого корпуса двигались в Забайкалье с запада. 27 августа 1918 г. в Читу вступили войска командующего 1-м Средне-Сибирским корпусом А.Н. Пепеляева и чехословаки. В районе станции Оловянная войска Сибирского правительства встретились с семеновцами, а 6 сентября японские войска вошли в Читу. Сам Г.М. Семенов утверждал: «Впервые мы встретились с союзниками в самом начале октября 1918 года, когда 7-я дивизия Императорской японской армии, под командой генерал-лейтенанта Фудзий, прибыла в Забайкалье. Конные части О.М.О. (Особого Маньчжурского отряда), совместно с японскими кавалерийскими частями под общим руководством Генерального штаба капитана Андо, форсировали... Онон» [24, с. 174]. На станции Маньчжурия разместился штаб 7-й японской дивизии. Собственно в Забайкалье и Прибайкалье были размещены части 3-й японской дивизии из Нагоя со штабом в Чите.

Забайкалье было самым дальним регионом, который Япония согласилась оккупировать. Поэтому японская военная интервенция в Забайкалье имела свои особенности, отличия от интервенции в Приморье, Приамурье и на Сахалине. Необходимо отметить ряд факторов: в Сибири японцев проживало немного, на порядок меньше, чем на Дальнем Востоке; в Сибири жестче, чем где бы то ни было, проходило противостояние между «правительством» и «атаманами». В Забайкалье японские войска продолжали поддерживать атамана Г.М. Семенова, защищая его от армии адмирала А.В. Колчака. Белый офицер писал в дневнике: «9 декабря. Японцы остановили отряд Волкова, посланный для ликвидации Семенова... 12 декабря... японцы разоружили сибирские части, двинутые для ликвидации Читы...» [13, с. 239–240].

Японское общество было отнюдь не единодушно по вопросу интервенции в России. Уже в 1918 г. в Советской России отмечали: «В японской печати даже после десанта, высаженного во Владивостоке, значительная часть прессы осуждала обострение отношений с Советской властью и указывала, что Мотоно не сумел правильно оценить силу и влияние Советского правительства и благодаря своей оккупационной политике напрасно ухудшил отношения с русскими соседями. Некоторые газеты (напр. «Токио Ници-ници») предлагали немедля принять меры к восстановлению добрососедских отношений с Россией, а для этого признать Советское правительство и вернуть посла Уциду обратно в Россию» [20, с. 53].

Широкомасштабная интервенция вызвала к жизни противоречия и определенную неприязнь в отношениях между антисоветскими русскими силами и японскими военными. Один из сибирских лидеров, Г.К. Гинс, проехавший в сентябре 1918 г. в составе миссии главы Временного сибирского правительства П.В. Вологодского от Омска до Владивостока, писал в своем дневнике: «Начиная с Читы, повсюду встречаются японские солдаты и офицеры. Главу Сибирского правительства никто из японских военных властей не выражал желаний видеть. Японцы делали свое дело настойчиво, без шума и, казалось, с полным

безразличием к русской власти» [14, с. 174]. Но в условиях бескомпромиссной гражданской войны именно с интервентами были связаны надежды на физическое выживание сотен тысяч людей. При этом отмечены случаи спасения японцами и сторонников большевиков. Сотрудник Американского Красного Креста в конце 1918 г. описал в своем дневнике помощь, которую иностранцы, в том числе и японские военные, оказывали арестованным белыми властями русским, массово умирающим от нечеловеческих условий содержания [19, с. 107–108].

Действительно, будучи реальной властью на оккупированных территориях, японцы вынуждены были решать и гуманитарные задачи. В леволиберальной Владивостокской газете писали, что за первый год интервенции «на дело благотворительной помощи Япония израсходовала около одного миллиона иен и пожертвовала медицинского товара на 100 000 иен. Врачебной помощью Японских военных врачей воспользовалось до 60 000 русских в Сибири» [7. 1919. 13 ноября]. Эти сообщения подтверждаются архивными документами. В качестве примера можно привести «Акт. 1919 г. октябрь 17 дня», в котором говорилось: «Мы нижеподписавшиеся обсудив по поручению Начальника гарнизона в поселке Маньчжурия Генерал-Майор Казачихина вопрос о распределении присланных Японским комитетом оказания экономической помощи Сибири медикаментов между крестьянским, казачьим, железнодорожным населением и беженцами, проживающими в Восточной части Забайкальской области, постановили: 1/ распределить медикаменты между следующими врачебными участками и беженцами... 3/ В получении медикаментов каждым амбулаторией, участками или больницей должны быть присланы расписки с перечнем полученных медикаментов и их количества Начальнику гарнизона поселка Маньчжурия, для передачи Начальнику Японского Гарнизона» [2. Ф. 329. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–1 об.].

Весной 1919 г. в читинской газете «Русский Восток» в передовицах встречались утверждения: «Веря в искреннее содружество Японии, и видя ее жертвы, мы уверены, что Россия будет спасена» [9. 1919. 6 апреля]. И антисоветские русские силы, и их союзники на Западе надеялись на то, что Япония направит войска против наступающей с запада Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В томской газете «Сегодня» в марте 1919 г. в заметке «Японцы об экспедиции на Урал» говорилось: «По поводу слухов о возможности появления японских войск на Уральском фронте, издающаяся во Владивостоке японская газета «Владиво-Ниппо» пишет: «За последнее время циркулируют слухи о посылке японских войск на Урал. Эти слухи пока ни на чем не основаны, но связаны с поездкой товарища военного министра по Сибири и приездом помощника начальника генерального штаба генерал-лейтенанта Фукуда... Решение этого вопроса должно последовать только после того, как станет известно мнение всей страны». [10. 1919. 21 июля]. Надежды антисоветских сил на то, что Япония направит свои войска в Западную Сибирь, не оправдались. По соглашению о разделе районов ответственности на железной дороге от 17 апреля 1919 г. Япония, наряду с Амурской железной дорогой, получила и часть Забайкальской, от Верхнеудинска до Маньчжурии.

На протяжении в 1919 г. японские войска не только занимали огромные территории, но и принимали самое активное участие в боях и карательных акциях против красных партизан и мирного населения. Однако собственно в Сибири данные события были не столь масштабны, как в Амурской и Приморской областях. В истории Сибири не зафиксированы

случаи кровавых акций, подобных уничтожению японцами Ивановки в Амурской области. Весной 1919 г. в читинской газете «Русский Восток» писали: «Отношение широких кругов русского общества к пришедшим нам на помощь союзникам – японцам, с каждым днем становится более и более определенным. Та осторожность и даже подозрительность, с которою относилось поначалу наше общество к восточным друзьям, постепенно рассеивается. Многие видят... пользу, которую оказывают они в деле воссоединения Российского государства... Не так давно дальневосточные военные власти выражали перед японским командованием свое восхищение по поводу геройства японских войск, дерущихся под Благовещенском... По павшим героям солдатам-японцам, погибшим за спасение России, были отслужены панихиды. Владивостокское русское биржевое общество в целях увековечивания памяти павших за возрождение России японских воинов, решило изготовить именные медные доски и сдать их на хранение при известных храмах Японии...» [9. 1919. 6 апреля].

Для успешного решения военно-политических задач в России Япония максимально задействовала свои спецслужбы. В японских оккупационных войсках были созданы «органы особой службы для сбора разведывательных сведений и выполнения задач, лежащих вне компетенции верховного командования», известные в России как Японские военные миссии (ЯВМ). Исследователи указывают, что в состав «органа особой службы в Чите и Иркутске» входили полковник Куросава, майор Югами, капитан Хаяси, капитан Кано, старший лейтенант Ибара, фельдфебель Сато. В обязанности японских «органов особой службы» в Чите и Иркутске входили: «Инструктаж и помощь забайкальскому казачеству. Руководство регулярной русской армией. Контроль и управление газетами. Сбор разведывательной информации. Связь с органом особой службы в Омске» [22, с. 81].

С января 1919 по январь 1920 г. начальником ЯВМ в Омске был генерал-майор Такаянаги Ясутаро. В состав «органа особой службы» в Омске входили также полковник Фукуда, майор Микэ, капитан Хираса, капитан Савада, капитан Сакамото, старший лейтенант Окубо, старший военный врач Ёсии, старший интендант Такахаси, контр-адмирал Танака, капитан 2-го ранга Ёнаи [22, с. 82].

В Сибири во время интервенции работало много японцев, неплохо знавших Россию. В материале «Письма из Японии (От нашего Токийского корреспондента)», опубликованном во Владивостокской газете «Дальний Восток», говорилось: «Сегодня имел беседу с видным сотрудником влиятельной в Токио газеты «Кокумин» и распространенного журнала «Япония и японцы» – г. Минсо Като. Г. Като отлично знаком с Россией и характером русского народа. В конце первой половины 1918 г. он был в Восточной Сибири. Работая в качестве корреспондента от газеты «Кокумин» Като долгое время был в особом Маньчжурском атамана Семенова отряде... В начале нынешнего года Като долгое время жил в Чите и ныне думает вновь ехать в Сибирь корреспондентом от газеты «Асахи»... Что касается отношения японцев к большевизму, продолжал Като, думаю, что большевизм будет сломлен не вооруженной силой, а изживет сам себя. Рано или поздно наступит тот момент, когда большевики сознают бессмыслие своей программы» [7. 1919. 12 октября].

Начало эвакуации японских войск из Сибири было связано с поражением армии верховного правителя России адмирал А.В. Колчака. При этом Япония отказалась быть

«спасителем Сибири». Современники отмечали: «В августе, когда после совещания с Моррисом было решено просить Японию принять на себя охрану Сибирской дороги к западу от Байкала и послать для этого две дивизии, Токио ответил отказом, ссылаясь на климатические затруднения и на непопулярность в парламенте и обществе сибирских экспедиций» [14, с. 533].

«Сибирская экспедиция», действительно, вызывала недовольство в Японии. Одной из причин этого были большие людские и финансовые потери. В ноябре 1919 г. Владивостокская газета сообщала: «За время с августа 1918 года по минувший октябрь месяц в Сибирь прибыло всего 120,000 японских офицеров и нижних чинов, включая в это число также те дивизии, которые уже возвратились в Японию... Потери японских экспедиционных сил, по август месяц составляли: убитых 40 офицеров, 730 унтер-офицеров и рядовых; раненых — 40 офицеров и 650 унтер офицеров и рядовых. Кроме того умерло от болезней 500 офицеров и нижних чинов. По октябрь месяц Япония затратила на дело строительства Русской армии около 160 миллионов иен» [7. 1919. 13 ноября].

Отказ от полномасштабной интервенции в Сибири во второй половине 1919 г. не привел к сворачиванию Японией своего военного и политического присутствия. Газеты сообщали: «Чита, 8-Х. 8 октября утром, в 9 часов, сюда прибыл поезд посла г. Като, который был встречен на вокзале начальником 5-ой дивизии, генерал-лейтенантом Сузуки, вице-консулом Фурузава и др. Был с визитом также атаман Семенов. После обеда посетил японский Штаб и присутствовал поздно на устроенном генералом Сузуки в его честь приеме, отбыл в 9 часов вечера» [7. 1919. 12 октября].

Японская дипломатическая миссия покинула сибирскую столицу Омск последней, вместе в эвакуирующимся колчаковским правительством, 8 ноября 1919 г. К началу января 1920 г. колчаковская армия перестала существовать. Власть в Иркутске, еще не занятом Рабоче-Крестьянской Красной Армией, перешла в руки левого правительства под названием «Политцентр». Новое «восточно-сибирское правительство» сообщило представителям иностранных государств, в том числе «Японскому Консулу» и «Высокому Комиссару Японии»: «Настоящим доводим до Вашего сведения и просим сообщить Правительству Представителем коего Вы являетесь, что с 4-го сего Января власть Российского Правительства, возглавлявшегося Верховным Правителем Адмиралом Колчаком, прекратило свое существование свергнутой восставшим населением. Вся полнота высшей Государственной власти, принадлежавшей павшему Российскому Правительству, с указанного 4-го Января перешла к Политическому Центру, состоящему из представителей: Сибирского Земского Политического Бюро, Центрального Комитета...» [5. Ф. 867. Оп. 1. Д. 20. Л. 10].

Во время свержения колчаковской власти в Иркутске находились японские войска, которые, очевидно, не стали препятствовать переходу власти в руки социалистов. В Иркутской летописи отмечено: «30.XII (1919 г.)... Утром будто пришли пешком при этой стороне из Михалевой 500 японцев. Их встретили правительственные войска выстрелами, несколько человек убито и ранено; японцы ответили, убили 25, ранили 50. Недоразумение выяснилось. Вокзал занят японцами, повстанцы ушли в гору...»; «2 января с 8 ч. Редкая стрельба на Ушаковке... Японцы отказались принимать активное участие против повстанцев и т. п. Ожидается скорое прекращение военных действий и передачи власти новому

правительству... 3 января... Японцы берут на себя только охрану железнодорожной линии» [23, с. 375–378]; «6 января (24.XII) Перевоз чрез Ангару в руках японцев и чехословаков, которые, особенно первые, ведут себя очень вызывающе» [23, с. 381–382].

В январе 1920 г., когда в Иркутске реальная власть уже оказалась у большевиков, японские войска продолжали нести службу в Иркутске, постепенно эвакуируя имущество и сворачивая свое присутствие. Иркутский летописец записал: «10 января японцы снимают с телеграфных столбов телефонную проволоку... Японские отряды, расположенные в Иркутске, со всем своим имуществом оставляют город... С 16 января японские части несут по Иркутску гарнизонную караульную службу совместно с русскими войсками, т. е. выставляя смешанные караулы. На ст. Иркутск расположены 5 рот японских войск всех родов оружия, включая даже и конницу. Каждая рота снабжена двумя пулеметами, имеют 4 полевых орудия» [23, с. 383–384].

В январе 1920 г. японские войска покинули Иркутск, отказавшись от участия в политических событиях на русской территории западнее Байкала. Одной из причин такой политики было почти полное отсутствие японских мигрантов на этой территории. Немногочисленные японские резиденты покинули Иркутск. По приведенным Сибревкомом данным Сибстатуправления в Сибири, согласно переписи 1920 г., японцев отмечено было лишь 5 человек в Енисейской губернии и 2 человека в Ново-Николаевской, в остальных губерниях западнее Байкала, включая Иркутскую, японцы не были зафиксированы переписью [15].

Формально адмирал А.В. Колчак перед казнью успел передать свою власть атаману Г.М. Семенову, который сформировал в Чите новое антисоветское правительство. Японское командование сделало ставку на новое читинское правительство и декларировало готовность продолжения борьбы с большевиками. В январском приказе начальника 5-й дивизии в Верхнеудинске говорилось о решимости остановить большевиков на Байкале. Генерал Умэда, выступая 27 января 1920 г. на заседании Нерчинской городской думы, заявил: «Японские войска стоят на станции Байкал и Дальнем Востоке и дальше на восток большевиков не пусят, ибо это будет оскорблением для японской армии» [21, с. 72].

Большевикам, умело сочетавшим дипломатические средства и силовое давление, удалось вынудить японцев оставить окрестности Байкала. Сибирская газета «Начало» 3 апреля 1920 г. поместила следующее сообщение: «В штабе Забайкальского фронта имеются следующие сведения относительно позиции японцев в Забайкалье. После ряда неудачных карательных экскурсий, предпринятых совместно с семеновцами, по Прибайкалью... японцы решили держаться нейтралитета. Они пытались завязать переговоры с повстанцами, старались передать в Верхнеудинске власть городским и земским управам, но потерпели неудачу. Теперь они держатся выжидательно» [2. Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 842. Л. 23].

Японцы впустили советские войска в Верхнеудинск, после чего начали покидать город. 7 марта 1920 г. А.М. Краснощеков докладывал И.Н. Смирнову: «Сегодня прибыл в Верхнеудинск... Японцы эвакуируют Верхнеудинск. Было при занятии города тысяча человек в пяти эшелонах. Один отбыл вчера, два отбывают сегодня, последний – завтра. Японский генерал Агата здесь заявил, что с установлением власти земства японцы будут постепенно эвакуироваться. В Мозгон, 100 верст к западу от Читы, прибыл один эшелон

японцев в триста человек, в Читу еще 5 эшелонов. Цель, по словам местных японцев, – прикрытие отступления японцев из Верхнеудинска» [16, с. 20–21].

Таким образом, первый этап эвакуации японских войск из Сибири проходил в январе–марте 1920 г. Войска были выведены из Иркутска и Верхнеудинска, но делалось это с целью перегруппировки сил, концентрации их в ключевом районе железнодорожных коммуникаций и на территориях, где антисоветские силы и японские интервенты имели наибольшую поддержку местного населения. Япония контролировала железные дороги на восток, лишь 14 марта красный отряд временно захватывал станцию Оловянная. В начале апреля 1920 г. сотрудник Сибмиссии по иностранным делам О. Вебс сообщал председателю Иркутского губревкома Я.Д. Янсону: «Свое выступление в Оловянной японский командир объясняет тем, что после разоружения семеновского броневика был ограблен японский купец и что их солдат был задержан, когда шел в город...» [16, с. 41–42].

Японское командование весной 1920 г. сконцентрировало свои силы в районе Читы. На станции Могзон заняла позиции 5-я японская дивизия численностью до 10 тыс. человек. 23 марта 1920 г. из Верхнеудинска докладывали: «Авангард Иркутской дивизии 15 марта достиг разъезда 18 верст восточнее Хилок. Дальнейшее продвижение приостановлено по требованию японцев... Ссылаются на заключенный якобы договор с Калашниковым 7 марта в Верхнеудинске...» [16, с. 28]. По информации, полученной советским руководством из Верхнеудинска, весной 1920 г.: «Японских войск в Сибири числится до 70 000 человек, из них 45 000 штыков... Дислокация противника на Читинском фронте такова: севернее Читы – Воткинская дивизия, на запад к железной дороге – 5 японская дивизия, которая укрепляет станцию Мозгон... По последним сведениям, японские войска в Забайкалье активно помогают семеновцам... Переговоры нашей делегации о пропуске Народно-революционной армии на Читинском фронте до сих пор не состоялись. Японцы не дают ответа...» [16, с. 33–35].

Внутреннее и международное положение РСФСР не позволяло идти на прямой вооруженный конфликт с Японией. Советская сторона старалась не провоцировать японцев, не давать поводов для конфликта во всем. Например, японские подданные обладали особым статусом в Сибири. В начале 1920 г. на места рассылалось следующее предписание: «Имущество американских и японских подданных реквизиции не подлежит... Имущество остальных иностранцев подлежит реквизиции на общих основаниях» [3. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 304. Л. 8]. В документах, правда, есть указания на реквизиции и у японских торговцев. Например, в 1920 г. в Иркутске у японского подданного Асада Яомото был реквизирован «чай байховый Караван» [3. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 304. Л. 141]. Осторожность большевиков и «терпимость» японцев позволили избежать поводов для обострения двусторонних отношений.

Советское руководство разработало и реализовало проект вытеснения японцев с российской территории посредством создания буфера, роль которого сыграло временно созданное на востоке России формально буржуазно-демократическое государство. Идея «буфера» родилась не в Кремле, а была предложена местными политиками в Сибири. 20 января 1920 г. председатель Сибревкома И.Н. Смирнов докладывал В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому: «Политцентр предлагает создать на востоке буферное государство, которое разорвет блокаду при помощи Америки и очистит от японцев дальний Восток исключительно

путем давления Америки... Реввоенсовет (5-й армии) принял решение: а) Признать государство-буфер, начиная от реки Оки, что у станции Зима, до Владивостока...» [16, с. 17]. Советские лидеры идею буфера одобрили, и менее чем через месяц ЦК РКП(б) принял решение о временном отказе от провозглашения советской власти восточнее Байкала. Тем более, Япония в своей декларации 31 марта объявила о невозможности немедленного вывода войск и соблюдении нейтралитета во внутривнутриполитической борьбе в России.

Взгляды сибирских большевиков по вопросу японской политики значительно отличались от позиции Кремля. Забайкальская группа советских войск преобразована в марте 1920 г. в Народно-Революционную армию, под командованием Г.Х. Эйхе. В Чите 6-й Восточно-Сибирский армейский корпус атамана Г.М. Семенова был реорганизован в Дальневосточную армию под командованием генерал-лейтенанта Н.А. Лохвицкого. В начале апреля 1920 г. Реввоенсовет Народно-Революционной армии вновь созданного государственного образования (буфера) под названием «Дальне-Восточная Республика» (ДВР) предложил продолжить наступление на Читу, невзирая на опасность столкновений с японцами.

Оставив прилегающие к Байкалу территории, японские войска вскоре вновь проявили активность. В донесении Реввоенсовета НРА ДВР от 4 апреля 1920 г. говорилось: «Начдив Иркутской (дивизии. – В.Д.) донес, что отряд японцев (сто человек пехоты и кавалерии) и 70 казаков заняли деревню Шакша, что в трех верстах восточнее деревни Беклемишево, где наши передовые части. Только что получено донесение, что японцами занимают перевалы по путям к Чите, склоны закрепляются... В Чите – сводные части Пятой японской дивизии (8–10) тысяч) несут охрану города» [16, с. 46]. 10 апреля НРА начала наступление на Читу, но японские войска остановили большевиков. По такому же сценарию развивалось наступление 25 апреля. В начале апреля 1920 г. был открыт Восточно-Забайкальский фронт. Сначала красные партизаны оттеснили японские войска, но затем бои приняли затяжной характер.

Апрельские бои создали угрозу полномасштабного военного столкновения между Советской Россией и Японией. Штаб 5-й Армии перебросил несколько дивизий на Байкал для отражения возможного наступления японцев на Иркутск. Ротмистр В.А. Зиновьев записал в своих воспоминаниях: «В апреле 1920 года... мы выдержали натиск красных на Читу, следовавшими за нами по пятам со стороны Иркутска; его мы отбили, правда, с помощью японцев...» [18, с. 249]. Этот же офицер отметил: «Части 5-й японской дивизии занимали станцию Песчанку около Читы, а так же Нерчинск и Сретинск... красное командование поняло, что до тех пор, пока японские войска сами не уйдут из Забайкалья... большевики держали себя весьма пассивно и по соглашению с японским командованием не переходили линии Яблонового хребта» [18, с. 250].

Военное противостояние в Забайкалье для Японии было бессмысленным, белое движение уже не могло рассчитывать на победу. Член Военного совета НРА ДВР Н.К. Гончаров сообщил: «Японским начдивом 5 от имени высшего командования предложены переговоры 24 мая близ станции Гонготы, что приблизительно 100 верст юго-западнее Читы» [16, с. 75]. 28 мая 1920 г. председатель Сибревкома И.Н. Смирнов передал руководству ДВР установки: «По поводу начавшихся переговоров с японцами...

1) Забайкалье, Амуро-Уссурийский край – есть единое государство. Никакие сепаратные переговоры недопустимы. Ведутся переговоры только из Верхнеудинска с участием официального представителя Советской России... 6) До очищения японцами Читы и Восточного Забайкалья не принимать на себя ответственности за действия партизан Амура и Аргуни... 9) ... Семенов признан не будет» [16, с. 79–80]. Но японская сторона в качестве первого условия перемирия выдвинула требование отвода войск НРА за Селенгу.

Первоначально стороны не могли выйти на взаимоприемлемые условия. Председатель Сибревкома 1 июня 1920 г. докладывал в Кремль о том, что переговоры с японцами будут сорваны, и война неизбежна. Через две недели главком ДВР Г.Х. Эйхэ докладывал И.Н. Смирнову: «За трехмесячное существование республики одна из задач – эвакуация японцев – не продвинулась вперед ни на шаг... Переговоры с японцами не дали еще никаких конкретных результатов, и ожидать их в будущем нельзя...» [16, с. 87–88].

В отличие от правительства ДВР, руководимые большевиками партизанские отряды Амурской области были свободны в своих действиях против японцев. В верховьях Амура и Приаргунье летом 1920 г. продолжались боевые действия. Участник событий вспоминал: «Воспользовавшись тем обстоятельством, что с запада мы были как бы гарантированы от наступления большевиков благодаря вмешательству японцев, наше командование решило предпринять большую операцию, имеющую конечной целью очищение Нерчинского и Сретенского районов от большевиков... Операция началась 4 июня и продолжалась до 5 июля 1920 года, когда опять вмешались японцы и заключили с красными на всех фронтах перемирие и начали готовиться к эвакуации из Забайкалья» [18, с. 251–252].

Осознав бессмысленность интервенции в Забайкалье, японское командование приняло решение о начале эвакуации своих войск из Забайкалья, при сохранении интервенции на Дальнем Востоке. В декларации Японского правительства от 3 июля 1920 г. говорилось: «В отношении Забайкалья Правительство, принимая во внимание, что в настоящее время эвакуация чехословацких войск из этого района уже закончилась, и, полагаясь на заявление, которое Императорское Правительство уже не однократно делало, решило в данном случае эвакуировать свои войска из указанного района...» [17, с. 72–73].

Русские антисоветские силы были обеспокоены перспективой вывода войск, они попытались убедить японцев изменить свою позицию. 14 июня 1920 г. Президиум Краевого Народного Сопещания в Чите встретился с генерал-лейтенантом П.П. Ивановым-Риновым и высказал ему опасения в том, что «японская власть находит возможным предоставить Забайкалье собственным силам...» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д. 7. Л. 1]. Из Читы 21 июня 1920 г. писали на имя главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальнего Востока Г.М. Семенова: «Увод японских войск внушает очень большую тревогу... если японских войск не будет, то положение групп населения, небольшевиcтски настроенных, будет отчаянное» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д. 7. Л. 2]. Антибольшевиcтские силы в Забайкалье летом 1920 г. сохраняли надежду на помощь японцев. На это указывает телеграмма из Читы в Токио от 24 июня 1920 г. за подписью председателя Краевого Народного Сопещания А.Г. Васильевского: «В день открытия парламента связанной с нами узами тесной дружбы Японии, недавно призванное к жизни Краевое Народное Сопещание – молодой парламент Восточной Окраины – шлет привет своему старейшему собрату и, выражая ему сердечные

пожелания славной деятельности, питает надежду, что эта деятельность скрепит на будущее дружескую связь, соединившую Восточную Сибирь с Японией, и что связь эта после падения советской власти обратится в сильный союз японской нации и всего русского народа» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д. 7. Л. 3].

В принятой 10 июля 1920 г. «Резолюции Краевого Народного Собрания» при 11 – за и 1 – против, говорилось: «Заслушав... сообщение Г. Главнокомандующего о решении Японского Правительства вывести войска из Забайкалья и находя, что этим актом устанавливается возможность для Забайкальской области сделаться объектом попыток со стороны центральной советской власти распространить на нее свое господство, что грозит населению Области... большими опасностями; находя, кроме того... угрожает интересам Японии в Корее и Маньчжурии – Краевое Народное Собрание, полагая, что эвакуация японских войск может быть произведена без опасности для населения Края и интересов Японии только после установления на Восточной окраине единой Власти, имеющей твердую опору населению... что это мнение было принято во внимание при возможном пересмотре вопроса об эвакуации японских войск» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д. 23. Л. 3].

Япония не готова была продолжать бесперспективную для себя политику ради защиты немногочисленного антисоветски настроенного русского общества в Забайкалье. Чтобы смягчить ожидание неизвестности и, возможно, загладить вину, японцы провели благотворительные акции для крестьян. В русской печати сообщали: «Японцы, находящиеся в селе Беклемишево, что-бы чем-либо отметить перемирие с Дальне-Восточной Республикой и свой скорый отъезд на родину, раздали крестьянам села подарки: 10 фунтов крупчатки, четверть фунта сахару, 2-3 фунта соли. 2 коробки спичек и по две стеариновых свечи на семью» [2. Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 842. Л. 44].

10 июля 1920 г. председатель Сибревкома И.Н. Смирнов доложил В.И. Ленину: «Начались переговоры с Японией. Краснощеков выехал на линию японских войск... Прошу для участия в переговорах срочно выслать Вознесенского» [16, с. 102]. Советские газеты из номера в номер публиковали материал «Мирные переговоры Дальне-Восточной Республики с Японией». В сообщении «Заседание мирной конференции 15 июля» [8. 1920. 22 июля] говорилось, что 15 июля был заключен «Договор о прекращении военных действий в Забайкалье», согласно которому 18 июля должны были прекратиться военные действия, и устанавливается демаркационная линия в районе Яблонового хребта. Газета отмечала: «Японская делегация пыталась разделить нейтральную зону на две части, дабы в восточную иметь возможность ввести свою жандармерию. Русская делегация протестует. Наконец, делегации соглашаются, что во всей нейтральной зоне должна быть исключительно власть Дальне-Восточной Республики. Текст договора обоими делегациями принимается» [8. 1920. 22 июля].

На переговорах на станции Гонгота были подтверждены недавно заключенные соглашения о прекращении военных действий на Восточно-Забайкальском (Амурском) фронте и достигнуто соглашение о прекращении военных действий в районе Яблонового хребта. В фондах забайкальского архива сохранился «Договор о прекращении военных действий», подписанный на станции Гонгота представителем ДВР В.С. Шатовым с генералом Я. Такаянаги и полковником Курасава 15 июля 1920 г. В документе говорится:

«Мы, нижеподписавшиеся, Представители Экспедиционной Японской Армии на территории Дальнего Востока и Правительства Дальне-Восточной Республики, собранные для прекращения военных действий, которые произошли не смотря на то, что это было нежелательным нашим обоюдным войскам, ведя переговоры о прекращении военных действий: 1/ На Амурском фронте/ на левом и правом берегах Шилки/, заключенные нашими военными командованиями и 2 – о прекращении военных действий сим заключаемое на Забайкальском фронте в районе Яблоноваго хребта, заключая настоящий договор о прекращении военных действий на всех фронтах, пришли к следующему: Я представитель Дальневосточной Республики и Главного Командования Народно-Революционной Армии от их имени принимаю все обязательства, вытекающие из договора о перемирии, заключенными нашими обоюдными местными командованиями и подписанного от имени Экспедиционных Японских войск Полковником Като Содзиро и от имени Амурских частей Народно-Революционной Армии – гражданином Виктором Лондо о прекращении военных действий, как в районе левого, так и в районе правого берега р. Шилки, со сроком начала действий сего договора – для района левого берега р. Шилки со 2-го июля, а для района правого берега реки – с 10 июля 1920 г. Я представитель Японской Экспедиционной Армии на территории Дальнего Востока, имею искреннее желание об установлении прекращения военных действий на всех фронтах русской территории Дальнего Востока... Японское командование не совершает никакого вмешательства, но со стороны Японского командования еще не признано Правительство Дальне-Восточной Республики, как объединенная главная власть на русской территории Дальнего Востока, почему не может быть установлено на переговорах с представителями Дальне-Восточной Республики прекращения военных действий на всех фронтах территории дальнего Востока» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д.6. Л. 14].

Отдельными пунктами «Договора о прекращении военных действий» были определены следующие условия: «Срок окончания настоящего договора считается окончание работ съезда представителей правильно выразивших волю населения русского дальнего Востока»; «В случае каких-либо обострений для прекращения мирного состояния и перехода на положение войны необходимо уведомление противной стороны за 10 дней» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д. 6. Л. 15]. Временем прекращения военных действий было назначено 12 часов дня 18-го июля 1920 г. На железной дороге «нейтральная полоса» была установлена между станциями Гонгота и Сохондо. Советские газеты писали: «Подписывая договор, генерал Такаянаги сказал: – Пусть наши подписи на договоре послужат первым семенем общего и долгого мира на территории Дальнего Востока» [8. 1920. 22 июля].

После подписания договора 15 июля переговоры и консультации не закончились. Последнее пленарное заседание мирной конференции началось в 8 часов 40 мин вечера 17 июля. Обсуждался текст японской ноты, газеты сообщали: «Начальник японской делегации генерал Такаянаги перед обсуждением текста ноты предлагает предварительно обменяться следующим меморандумом, который без особых обсуждений подписывается представителями обеих делегаций: Конференция переходит к обсуждению текста ноты, зачитанной председателем мирной делегации Дальне-Восточной Республики – Шатовым и

после непродолжительного обмена мнениями подписывается следующая нота к меморандуму» [8. 1920. 22 июля].

В «Ноте к меморандуму от 17-го июля 1920 года», в частности, говорилось: «Стремясь к скорейшему утверждению мира на территории русского Дальнего Востока, Японская и Русская делегации уверены, что наилучшим способом к его достижению и установлению спокойствия и порядка – является образование буферного государства с единым Правительством, без вмешательства в дела этого государства вооруженной силы со стороны других государств... обе делегации сходятся в том убеждении, что буферное государство не примет коммунизм, как форму, и должно носить народный, широко демократический характер» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д. 6. Л. 17]. В ответ на эту ноту исполнявший обязанности министра иностранных дел ДВР А.С. Червонный (Шумяцкий) 31 июля 1920 г. написал генералу Судзуки: «С чувством понятного Вам удовлетворения Правительства Дальневосточной Республики приняло Ваше, гражданин Генерал, известие о начале действия обязательств, данных Японским Правительством в декларации на имя Высокого Комиссара Японии гражданина Мацудайра... Мудрое решение Японского Правительства и действующего от его имени Японского командования о начале эвакуации японских войск из Забайкалья и Амура с 1-го сего августа заставляет Правительство Дальневосточной Республики ответить таким же честно открытым и благожелательным актом в виде срочной подготовки и созыва съезда, независимо и свободно выражающего волю населения всего Русского Дальнего Востока» [17, с. 72].

Договоренности об эвакуации интервентов не гарантировали от разного рода проблем и конфликтов. По этому поводу в газетах было напечатано «Заявление Шатова», в котором говорилось: «Перед подписанием договора председатель русской делегации Шатов делает заявление: “В виду предстоящей эвакуации японских войск из Забайкалья и могущих возникнуть в связи с этим эксцессами, предлагаем известить командование народно-революционной армии о начале эвакуации и о совместной выработке условий ограждения интересов мирного населения”. В ответ генерал Такаянаги сказал, что как только начнется эвакуация японских войск, японское правительство пошлет в Верхнеудинск свою миссию и народно-револ. армия должна послать свою миссию в главную квартиру экспедиционных войск – в Читту или Владивосток по регулированию вопросов, связанных с эвакуацией и установлением на освобожденной территории власти» [8. 1920. 22 июля]. Вывод войск шел в целом без происшествий. В газетах отмечалось: «Из мест эвакуации сначала уходят японские резиденты с частями, затем семеновцы, а потом уже в хвосте опять японцы. Выведенные из пределов Забайкальской обл. войска группируются по линии жд. ст. Маньчжурия. При эвакуации порядок поддерживается исключительно японцами... всякая попытка нарушить или спровоцировать условия перемещения в корне пресекаются. Войска теперь направляются прямо в Приморье, где для них приготовлены квартиры...» [2. Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 842. Л. 41]. В середине октября 1920 г. газеты сообщали: «Верхнеудинск. 5 октября. Сегодня глава японской миссии, полковник генерального штаба Исоме выехал из Верхнеудинска во Владивосток для доклада высшему командованию по текущему моменту» [8. 1920. 12 октября].

По мере ухода японских войск, в забайкальских городах устанавливалась власть большевиков, союзники японцев оказались бессильными в своих попытках сохранить контроль над восточным Забайкальем. На общем собрании граждан Нерчинска 19 августа 1920 г. была принята следующая резолюция: «Освобожденный усилиями борцов за свободу от чуждых пришельцев – японцев, стремившихся под флагом борьбы с властью трудового народа воспользоваться тягостным положением России и отнять у нас богатейшие области Дальнего Востока... Нерчинск преклоняется перед светлой памятью погибших борцов за свободу» [2. Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 842. Л. 51]. На общем собрании граждан Сретенска 25 августа 1920 г. была принята следующая резолюция: «1. Поддержка войсками Японии и других государств разных русских проходимцев и искателей легкой наживы, имело на Дальнем Востоке и других окраинах России всегда одну и ту-же цель: расчленив великую трудовую Россию на мелкие части и навязать трудящимся... власть разных самодержавных генералов и атаманов. 2. Упорная борьба Восточно-Забайкальских партизан положила предел хищническим замыслам Японии и заставила бежать... Семенова!!!» [2. Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 842. Л. 51].

Антисоветские силы в Забайкалье до последнего надеялись на японскую поддержку. В сентябре 1920 г. Временное Восточно-Забайкальское Народное собрание направило начальнику японской военной миссии и китайскому консулу в Чите свое заявление, утверждая «совершенно невозможным признание миссии Юрина, командированной Верхнеудинским правительством в качестве миссии всего Дальнего Востока» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д. 6. Л. 12].

На завершающем этапе вывода японских войск русская власть в Чите переживала кризис. В середине сентября 1920 г. с согласия Г.М. Семенова в Чите был сформирован новый орган власти – временное Забайкальское народное собрание во главе с социалистом К.С. Шрейбером. 13 октября в газете «Шанхайская жизнь» был помещен следующий материал: «Из достоверных источников... передают, что неожиданное признание Врангеля Семеновым произвело крайне неблагоприятное впечатление в японских кругах... Япония далеко не отказалась от своей руководящей, если не исключительной, роли в создающемся буфере. Япония, наоборот, продолжает зорко следить за налаживающейся в буфере работой. В частности, замечая усиливающуюся активность Семенова, с коим Япония окончательно и не порывала, к нему выехала чрезвычайная военно-дипломатическая миссия, возглавляемая дипломатом г. Ватанабе и представителем военных сфер – г. Ямагата. Миссия в настоящий момент уже прибыла в Харбин и немедленно выезжает в Читту» [11. 1920. 13 октября]. В октябре 1920 г. в Чите, в помещении штаба японской армии, прошло последнее совещание антибольшевистских сил с участием атамана Семенова, а во Владивостоке японские представители получили какие-то гарантии безопасности своих подданных, остающихся в Сибири. После этого японская армия окончательно покинула территорию Забайкалья, вывод войск закончился 15 октября 1920 г.

С выводом войск из Забайкалья, в регионе некоторое время еще сохранялось японское военное присутствие. 21 октября 1920 г. начальник Японской военной миссии Накаока Ятака сообщал Временному Восточно-Забайкальскому Народному Собранию: «Имею честь довести до сведения: 1) Японская Военная Миссия остается в Чите сноситься с Вашим

Правительством. 2) Кроме членов Военной Миссии здесь находятся японские офицеры, дипломатические чиновники, корреспонденты и др., которые за неимением сообщения остались здесь и приняты Военной Миссией, прошу оказать им соответствующее покровительство как и самой Миссии» [2. Ф. 130. Оп. 1. Д. 6. Л. 21]. Но почти сразу после окончания вывода японских войск из Читы НРА силами Амурского фронта 19 октября начала наступление на город. Местная власть без японской поддержки смогла сопротивляться лишь несколько дней, 22 октября столица Забайкалья перешла под власть большевиков. В конце октября 1920 г. все японские военные миссии были объединены в единую, Забайкальскую ЯВМ, во главе с подполковником Исомэ Рокуро. В декабре 1920 г. ЯВМ переведена из Забайкалья в Маньчжурию.

Эвакуация японских войск из Забайкалья не привела к ликвидации японской интервенции в России. Вывод японских войск с территории российского Приморья завершился лишь через два года, 25 октября 1922 г. Окончательно японские войска оставили континентальное побережье России 1 ноября 1922 г., а на российской части Сахалина оккупационные войска оставались еще несколько лет.

Продолжая изучение истории русско-японских отношений, сегодня есть возможности избегать крайней политизированности в освещении событий и вынесении оценок японской военной интервенции в Забайкалье. Не отказываясь от осуждения военных преступлений, имевших место во время интервенции, признавая ошибочность решения японского руководства о вооруженном вмешательстве в политические события в России в 1918 г., необходимо все же отказаться от упрощенных оценок и обличительности в освещении этих событий. Военное вмешательство Японии в события в России было вызвано, вероятно, не «коварностью японского империализма», хотя, возможно, многие японцы в душе и надеялись расширить территорию империи благодаря этим событиям. Японская интервенция была составной частью глобальных событий Первой мировой войны и послевоенного переустройства мира. Японский план, очевидно, не был антироссийским, просто японцы не смогли грамотно просчитать направление развития Российского государства и общества, адекватно воспринять реалии, за что, в конечном итоге, сами дорого заплатили. Не стоит забывать, что сторонниками интервенции были именно пророссийски настроенные общественно-политические силы и их лидеры. И следствием японской интервенции были не только жертвы и разрушения в России, но и спасение от неминуемой гибели тысяч русских людей, и не только противников советского режима. Сегодня при оценках японской интервенции нельзя игнорировать и мнение русских людей, не принявших большевизм. Бывший военный летчик ротмистр В.А. Зиновьев, которого нельзя заподозрить в отсутствии русского патриотизма, так писал: «Японцы относились к нам весьма покровительственно, и потому мы инстинктивно тянулись за ними. Они очень неохотно, под давлением требований международной политики, главным образом, из-за сильного влияния США, очищали нашу восточную окраину. Интересно отметить, что за время своего почти трехлетнего пребывания в Забайкалье и в Приморской области они вели мудрую политику по отношению к местному населению» [18, с. 257]. В любом случае, история японской интервенции в Сибири была и остается частью общей для России и Японии истории XX века, трагичного и противоречивого для двух стран и народов.

Библиографический список

1. Государственный архив Амурской области (ГААО).
2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК).
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО).
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАО).
6. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК).
7. Дальний Восток.
8. Красноярский рабочий.
9. Русский Восток.
10. Сегодня.
11. Шанхайская жизнь.
12. *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервью : Воспоминания (из цикла «Шесть лет» 1917–1922 г.г.) / под ред. В.Д. Вегмана. Новониколаевск, 1925.
13. [Будберг] *Барон А. Будберг.* Дневник // Гуль Р. Ледяной поход... М.: Молодая гвардия, 1990.
14. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства. М., 2007.
15. Годовые итоги на хозяйственно-политическом фронте Сибири / Издание Сибревкома. Б.м., б. д.
16. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.) : Сб. док. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996.
17. Документы внешней политики СССР. Т.1. М.: Политиздат, 1957.
18. *Зиновьев В.А.* Каппелевцы в Забайкалье // Капель и каппелевцы. М., 2003.
19. *Караман В.Н.* «Поезд смерти» (записки сотрудника Американского Красного Креста Рудольфа Бьюкели) // Известия Восточного Института. 2012. №1(19). С. 105–118.
20. *Керженцев В.* Союзники и Россия. М.: Изд-во ВЦИК, 1918.
21. Мы службу несем в Забайкалье. Чита, 1995.
22. *Полутов А.В.* Японские военные миссии в Маньчжурии, Сибири и на Дальнем Востоке России (1918–1922) // Вестник ДВО РАН. 2012. №4.
23. *Романов Н.С.* Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994.
24. [Семенов] *Атаман Семенов.* О себе (Воспоминания, мысли и выводы). М., 1999.

Поступила в редакцию 10.03.2017

Автор:

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Сибирский федеральный университет. E-mail: dazishen@mail.ru

Completion of the “Siberian Expedition” in Transbaikalia. New documents on the History of Japanese Intervention in Siberia

V.G. Datsyshen

The article is devoted to the history of Japanese intervention in Siberia. Being based on documents from regional archives and publications in rare editions, the issue of completion of the Japanese intervention in the Baikal region and Transbaikalia in late 1919 – 1920 is discussed in detail. The documents introduced to scientific circulation point to regional features of the history of Russian-Japanese relations. The author makes an attempt to turn away from previous political approach, to consider historical events from different sides, to show their inconsistency.

Keywords: Russian-Japanese relations, Japanese intervention in Siberia, Transbaikalia.

Received 10.03.2017

Author:

Datsyshen Vladimir G., Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk city). E-mail: dazishen@mail.ru